

Дух НЕПРАВДЫ

Инна Трoнина

Инна Трoнина
Дух неправды

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Трoнина И.

Дух неправды / И. Трoнина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Накануне Нового, 2009 года, студент-индиец Санкар Никкам, выходец из очень известной и богатой семьи, в драке с московскими скинхедами применил древний боевой приём. Он неумышленно убил главаря группировки, который оказался родственником высокопоставленного чиновника - "рублёвским мальчиком". Спасаясь от ареста и позора, Санкар обратился за помощью к другу их семьи, шансонье Михаилу Печерскому, и укрылся на его загородной вилле. Там Санкар познакомился с гостем Михаила - американцем Райдером Мирреном, который неожиданно принял самое горячее участие в судьбе парня. Когда арест Санкара, казалось, был неминуем, Миррен вывез его в Москву на дипломатическом автомобиле и доставил на территорию американского посольства. Миррен был твёрдо уверен в невиновности Санкара и в том, что иначе вывести его из-под удара невозможно. Тогда же Санкар узнал, что Миррен, как и Печерский, был хорошо знаком с его покойной бабушкой Кальпаной Рани, дочерью раджи. Сам Санкар её никогда не видел, но глубоко чтит. В тайне осталось лишь то, что Райдер Миррен, настоящее имя которого было Чарльз Честер, гораздо более известный под кличкой Линкс, был не только поклонником, но и убийцей Кальпаны...

© Трoнина И.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Санкар	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Инна Тронина

Дух неправды

По древним традициям индуизма женщина считалась основным социальным злом, духом неправды, гением тьмы...

Глава 1. Санкар

Среди гор и дворцов, сделанных из белого и розового мороженого, синеватым пламенем горели водка, коньяк и кальвадос.¹ Официантки, одетые в джинсовые костюмчики, обутые в невероятно популярные «козьи ноги» – нечто среднее между ходулями и обувью, – ловко, коленками назад, передвигались между пятью длинными столами. Они крохотными половниками черпали огненную жидкость из термостойких бокалов и поливали все без исключения блюда – от коктейлей и фруктов до жаркого и ухи. В конце концов, огня стало так много, что с гор мороженого потекли ручьи, и собравшиеся дамы принялись со смехом подставлять под них золочёные ложечки. Хозяин торжества, известный шансонье Михаил Печерский, как всегда, угодил гостям.

– Да плевать я хотел на эти дресс-коды! Я сам себе голова и пока ещё в состоянии придумать что-нибудь кроме этих дурацких фраков и платьев-коктейль! Сегодня молодые дамы или те, кто себя таковыми считает, обязаны были прибыть в одежде лакированной кожи одного из цветов радуги! И обязательно с массивной длинной цепью на шее, плевать, из какого металла! Пусть хоть с собачьей будки снимет и наденет, мне всё равно! А остальные вольны одеться во что угодно, даже в тапочки и в пижаму! А почему нет, очень оригинально, ха-ха! Как проснулся после бурной новогодней ночи, так пусть и едет ко мне! Это и есть настоящая демократия, мои милые друзья и подруги! Вы посмотрите, как вас тут много, какие вы разные, и ведь всем хорошо, никто не скучает! Я уверен, что вы никогда не видели тех же козьих ножек, грациозных барышень на мохнатых копытцах! Они цокают среди вас, возвышаясь над толпой, являя собой пример лёгкости и беззаботности! Кроме того, люди-сатиры будут избавлены от такой пакости, как ревматизм. Идеальная конструкция для того, чтобы разгрузить суставы! Если бы это чудо было изобретено раньше, я сейчас не был бы весом в сто пятьдесят килограммов!

Печерский заразительно расхохотался, продемонстрировав восторженным гостям свою бесподобную голливудскую улыбку. Высокий, пузатый, черноглазый, со смоляной, кольцами, бородой, наряженный то ли в хитон, то ли в рубаху оранжевого шёлка, он походил на цыганского барона. Для прикола хозяин пожертвовал мочкой уха и вддел туда серьгу-полумесяц.

– Но я даю вам всем клятву, положи руку на сердце, – Михаил Печерский, блеснув перстнями, припечатал потную ладонь к левому плечу, – что я через несколько месяцев выйду на сцену коленками назад! Непременно выйду, а если проспорю, то сбрею бороду и окрашусь в блондина. Мне будет очень стыдно, и пусть никто меня не узнает. Вот так, друзья и подружки! А теперь извините, что забрал ваше время, отняв его у наслаждений и любви! Всё это, – он обвёл рукой столы, – ваше! Не стесняйтесь, не робейте, не бойтесь расползти или перебраться. Хоть раз в год не бойтесь, как ничего не боялся я, когда начинал с исцарапанной гитарой гастролировать в подмосковных электричках. Никто своей судьбы не знает. Людям не дано решать, что им на самом деле нужно. Хочу только обратить ваше внимание на бесподобный бананово-ягодный десерт, который горит в торце третьего от дверей стола. Когда погаснет, милости прошу – вкус отменный! При приготовлении использован коньяк «Медный всадник» – значимый напиток для значимых людей. Сведущие люди говорят, что его нужно пить под музыку Рахманинова, Чайковского или Шопена. Но мы поступим иначе. Итак, «Чардаш» Монти! – Печерский махнул оркестру, который во время его выступления отдыхал. – Для меня! Для всех нас! Итак, маэстро!

Грянул «Чардаш», гости пустились в пляс, пытаясь урвать себе в партнёрши официанток-козочек. Во всех четырёх углах зала вспыхнули бенгальские огни. Громкая искусствен-

---

¹ Кальвадос – Яблочная водка.

ная ёлка, унизанная цветами и золотыми шишками, вдруг сдвинулась со своего места и поехала из центра зала к окнам, вызвав у присутствующих восторженные и испуганные вопли.

Разгорячённый хозяин бала, ещё раз пристально осмотрев пирующих и убедившись, что все довольны, резко повернулся и направился к гостю, который, единственный, не принимая участие в забавном шабаше. Высокий жилистый мужчина с жёсткой, будто бы проволоочной шевелюрой цвета красной меди, лишь только на висках тронутых сединой был одет так, что в любое другое общество его не пустили бы.

Мягкий клетчатый пиджак, белая рубашка с распахнутым воротом, пёстрый шейный платок, потёртые джинсы и далеко не первой свежести ботинки на толстой подошве делали загорелого мачо похожим не то на представителя богемы, не то на бродягу или работягу. Картину смазывал пронизывающий, цепкий и умный взгляд его зелёных глаз под длинными серыми ресницами. Мужчина заинтересованно слушал «Чардаш», и было видно, что мелодия ему не только нравится, но ещё и вызывает в его памяти приятные ассоциации. В зрачках пожилого гостя, возраст которого выдавали разве что глубокие, похожие на шрамы, морщины, плясало пламя подожжённых коктейлей. Он мелкими глотками пил смесь белого виноградного и лимонного соков и, как показалось хозяину, даже не заметил, как мимо проплыла наряженная ёлка.

– Вы верны себе, Райдер?

Михаил Печерский говорил с гостем по-английски. Человек в клетчатом пиджаке два года назад на курорте представился ему как Райдер Миррен, журналист и писатель. В других странах и компаниях этого человека звали под иными именами, а кое-где – только под кличками, но Печерский до сих пор пребывал в счастливом неведении.

– Только соки и безалкогольные экстракты? Лично у меня неплохо идёт сок белого винограда, смешанный с водой и сахарной пудрой, когда я вынужден быть трезвым. Но сегодня я себя не обидел...

– Вам шестьдесят, Майкл? – живо отозвался Миррен, сделал ещё один глоток, и углы его обветренных губ страдальчески скривились. – А мне почти семьдесят пять. Сырые овощи, мюсли, омлет – таков уже давно мой удел. Да и зачем напиваться, когда вечер так хорош? У вас великолепный джаз, Майкл. Я восхищён!

– Посмотрим, как вы восхититесь, когда увидите главный мой сюрприз! Это ведь перст судьбы, что всё так сошлось. Вы неожиданно прилетели из Бостона, а он... Впрочем, несколько минут терпения, и вы обо всём узнаете. Я сделаю два звонка относительно завтрашнего концерта. Надо уладить некоторые формальности, и тогда я смогу посвятить вам не полчаса, а, к примеру, час. Это в Доминикане мы с вами могли целыми днями расслабляться на пляже, заниматься глубоководной рыбалкой и наблюдать за горбатыми китами. Чудесное было время – праздное, лёгкое, какое-то даже нереальное, по крайней мере, для меня. Пещеры; джунгли, водопады!

– Я много повидал в жизни, – медленно сказал Райдер Миррен, допив сок и поставив пустой бокал на поднос официанта. – Но наш разговор в прекрасном Пуэрто-Плата я вспоминаю до сих пор...

– Какой разговор? – Печерский достал свой мобильник. – Мы с вами беседовали подолгу, чем-то сразу заинтересовав, друг друга.

– Я напомню, – пообещал Миррен. – Но вы хотели звонить кому-то, верно? Такой же трудоголик, – как и я. Даже на вечеринке голова болит из-за срочных дел. Не думал, что при подобном ритме жизни дотяну до семидесяти пяти. Правда, рано хвастаться. Ещё три месяца...

– Ничего, старина, вы ещё всех нас переживёте! – расхохотался Печерский, – Вам сносу нет! Вы из прочного материала сделаны – ваша матушка до сих пор здравствует! Завидую белой завистью, тьфу-тьфу!

Печерский сплюнул через левое плечо и отошёл, на ходу набирая номер. Гость в клетчатом пиджаке слушал уже не «Чардаш», а «Балеро» Равеля, и вспоминал их конные прогулки, когда специально для Печерского приводили здорового першерона, и танцы в клубах меренге.²

В Пуэро-Плата после посещения музея янтаря, они сидели под кокосовой пальмой, пили коктейли, а рядом плескалась изумрудная вода Атлантического океана. Тогда Михаил Печерский, сам того не ведая, назвал женское имя, которое, подобно колокольному звону, тревожило давно загрубевшую душу Миррена.

– А вот и я!

Печерский, сверкая глазами и зубами, налетел на гостя совсем не с той стороны, в которую ушёл, обдав его запахом лаванды и амбры. Крупная бордовая родинка на его правой щеке, свидетельствующая о живости и неординарности характера, казалось, смеялась вместе с ним.

– Не буду больше вас мучить, Райдер. Вы ведь не ребёнок, который может годами ждать чуда. Кстати, тут у меня девочки шепчутся, что вы лёжа выжимаете штангу в сто сорок килограммов. Откуда они это знают?

– О-о, они, вероятно, перепутали меня с Клинтом Иствудом! – польщённый Миррен наконец-то улыбнулся, и Печерский высоко оценил мастерство его дантиста. – Хотя сто-сто двадцать килограммов могу выжать вполне. Но я не увлекаюсь, как многие старики, силовыми упражнениями или методикой вашего соотечественника Владимира Андриянова, помогающей резко поднять потенцию. Ничем хорошим это не кончается. Мой сосед в Бостоне женился на молоденькой, всё время делал эту гимнастику и скоропостижно скончался прямо во время полового акта. У меня всё просто – пробежки, прогулки по берегу океана. И, представьте, мы с Барбарой недавно примерили свои свадебные наряды, в которых обвенчались почти пятьдесят лет назад. Невероятно – они сидят, как влитые! Мой смокинг с цветком флёрдоранжа в петлице и её белое, узкое, плотно облегающее фигуру платье. Она натянула перчатки, взяла расшитую жемчугом сумочку и приколола фату. Я был потрясён, Майкл! Хотя и сам не подкачал!

– Не всем это дано, к сожалению, – вздохнул Печерский.

– Просто надо каждый день работать, двигаться, не лениться – и всё! Никаких излишеств. Если можно дойти пешком, не выводить из гаража автомобиль. На отдыхе не пьянствовать, не валяться целыми днями на пляже, не жрать всё, что предложат в окрестных кабаках, а ходить. Просто ходить как мы с Барбарой. Сразу же завели трёх собак, которых брали с собой, выбираясь на природу. Прихватывали для них палатки, поилки, лежанки, миски. А когда жили дома, просто гуляли – и утром, и вечером, делая длинные концы по линии прибоя. Потом родился первенец, Мартин. Мы тут же купили мини-бассейн, дорожный горшок, стерилизатор и детское автокресло. Если ходили в горы, по очереди таскали его в слинге.³ Когда жена изъявляла желание поесть крем-суп «Дюбарри» с цветной капустой и козьим сыром, я понимал, что она опять беременна. Через полтора года после Мартина родилась Эми. Они росли парой. Следующая пара – Клэр и Брайан – появились много позже, когда выросли старшие. Из каждого путешествия мы привозили, кроме всего прочего, всевозможные камешки и ракушки, которые я собственноручно оправлял в серебро. Теперь вся наша семья обеспечена эксклюзивными украшениями. Ничего другого им не нужно. Но с годами моя работа позволяла нам всё меньше шансов проводить уик-энды и отпуска вместе...

Под нескончаемое «Болеро» восточная красавица, позванивая цимбалами⁴ и украшениями, исполняла индийский «танец живота». Миррен отметил, что танцовщица не босая, как

---

² Меренге – Красивый эротичный стиль музыки и танцев. Появился в Доминикане, потом стал популярен в других странах Латинской Америки.

³ Слинг – Перевязь для ношения младенца, укрепляемая на теле матери. В отличие от рюкзака-«кенгуру», переносить ребенка можно не только в положении сидя, но и лежа.

⁴ Цимбалы – Здесь: маленькие литавры, надеваемые на большой и указательный палец каждой руки. Танцовщица отбивает

полагается при арабском танце. Бубенчики с монетами, украшающие её босоножки, добавляли в и без того волнующее зрелище дополнительный колорит. В зале стало тихо – все наблюдали за девушкой. Почему-то лиф у танцовщицы был красный, а юбка – белая с золотом, хотя обычно костюм составлял одно целое.

– На побережье штата Мэн ещё живут люда, которые помнят нашу свадьбу в День благодарения, осенью пятьдесят девятого. Я только что окончил Йельский университет. Был свежий, румяный и вечно чем-то удивленный. Мои высоко поднятые брови и распахнутые глаза вызывали в старых дамах слезливое умиление. Многие из них переживали, что такой паренёк не сможет должным образом содержать семью. Мы были совсем не богаты. Мой отец умер, а мать осталась инвалидом после несчастного случая в цирке, где родители выступали. Барбара Блант, длинноволосая блондинка с бирюзовыми глазами, не испугалась трудностей. Она ведь приехала с Аляски, где слабакам вообще не место! Я сразу предупредил невесту, что не смогу подолгу быть с ней, и она согласилась верно ждать мужа. Лишь Мартин родился, когда я был дома. Приезжая, я видел, что собаки меняются, но их всегда остаётся три. Животные старились и умирали, а Барбара с детьми заводили таких же, давали им те же имена. Время летело быстро, и уже по мокрому песку за щенками носились наши внуки. Старшему из них, Эдриану, сейчас двадцать семь. А я всё уезжал и возвращался, пока вконец не запутался в хитросплетении родословных нитей. Каждый раз я заново знакомился с мужьями дочерей и жёнами сыновей, они обижались, а потом прощали. На Рождество не собраться всем вместе – кому понравится такая жизнь? Я благодарен жене за всё – без такого прочного тыла невозможно делать карьеру, добиваться поставленной цели. Она ни разу не изменила мне, Майкл! Это невероятно. Когда мужа годами нет дома, и она сама такая красивая! Я бы понял её, не ругал... Но нет! Три года назад мне посадили на колени правнучку Дорис – лучшую мою подружку...

К девушке, возбуждающей публику трясками, волнами и ударами своего тела присоединился юноша в чалме, набедренной повязке и с голым торсом. При том на нём были ещё бордовые брюки и белые туфли. Он стал демонстрировать что-то вроде мужского танца живота, оставаясь при этом, в отличие от девушки, очень серьёзным. Красавица же ослепительно улыбалась и так призывно двигала разнообразными мышцами, что Печерский не сразу смог оторвать от неё взгляд.

– Из Питера парня на вечер выписал, – похвастался он не только Миррену, но и другим гостям, которые понимали английский. – Он там один такой. И снова обратился персонально к американцу: – Вообще-то верно, чем реже своих чад видишь, тем крепче спишь. У меня от четырёх браков пятеро детей. Я не мог бы, как вы, всю жизнь быть верным одной женщине. К тому же вы редко виделись, а это частенько идёт только на пользу отношениям – если чувство настоящее. Так вот, Настя, моя младшая, решила поступать в театральный. Не знаю, как в Америке, а в России такие вузы ещё с коммунистических времён – предмет мечтаний «золотой молодёжи». Нужно пройти несколько творческих испытаний. Стихи, басни, отрывок из прозы прочитала, а вот на танце срезалась. Оказалось, хромает чувство ритма, а особенно пластика. Да и вообще – надо худеть. Ну, вы понимаете, дочка пошла в папу! – Печерский звонко хлопнул себя по животу. – Так моё сокровище село на тибетскую диету – бобы, сухарики, соки и прочее барахло. Кончилось дело тем, что она скинула двадцать кило и попала в больницу, под капельницу. Только недавно перестала падать в обмороки и зеленеть от вида капусты, которую ей приходилось всё время жрать, как козе! Да ещё в тот день, когда Настю на «скорой» отправили, наша ротвейлерша в ключья разодрала норковую шубу жены. Собаку срочно отдали каким-то дальним родственникам, завели кота, мейн-куна. Так, оказывается, кошки не менее ревнивы, чем собаки. Сука угробила шубу из-за того, что жена была её соперницей – обе любили меня. А кот, гад такой, норовит мне в лицо вцепиться или в горло – получается, мне у жены ночью

остаться нельзя. Занял мою половину кровати! – Печерский взял Миррена под локоть. – Пойдёмте. Исчезнем потихоньку. Марина, жена, пока побудет с гостями... Зая, я выйду на часок?

Печерский обернулся к невысокой приятной блондинке с короткой стрижкой и в изящных очках. Хозяйка торжества смотрела на всех с полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Казалось, была рада каждому, но думала всегда о своём. Следуя введённому на сегодня дресс-коду, мадам Печерская украсила шею массивной цепью чёрнёного серебра, на которой висел медальон размером с блюдце.

Наморщив лоб под раздёрганной чёлочкой, Марина торопливо кивнула мужу, потом она продолжила обсуждать с дамами рецепт приготовления фуа-гра⁵ и достоинства «жемчужной» ванны,⁶ где сквозь воду пропускали кислород.

– Вот мы и освободились, Райдер. Маринка не даст обществу тосковать. Боюсь только, что эта старая выдра, – Печерский покосился на тощую старушонку в платье под крокодиловую кожу и с золотой цепью на шее, – заберёт много её времени. Ей восемьдесят три, а оделась как молодая дама. Бывшая певица, меццо-сопрано, двоюродная Маринкина бабушка. Я так надеялся, что она хоть сегодня не явится! Так нет ведь, первая о себе доложила...

Печерский и Миррен вышли из зала на балкон и жадно вдохнули морозный воздух. Вилла располагалась неподалёку от аэропорта «Внуково», и рёв самолётных моторов мешал жить Марине Печерской. Супруг же, напротив, усматривал в таком соседстве драйв и романтику. Лайнеры взлетали и садились даже первого января вечером, и, казалось, вокруг гудит земля – поля, леса, дороги, реки.

Низкое в эту пору небо нахмурилось, набухло близкими снегами и метелями, почти вплотную накрыло виллу и дохнуло стужей. По сугробам пронеслась позёмка, разошлись тучи над берёзовой рощицей, и в прорехе сверкнули тёмно-рубиновые огни очередного, набирающего высоту, самолёта. Тоненькое противное собачье тявканье донеслось из-за двери, за которой остались гости, и Миррен невольно поморщился.

– Это левретка нашей прелестной тётушки. Сколько раз просил собаку сюда не брать – ноль внимания!

Печерский взял гостя за локоть и хотел провести его на лестницу. На балконе ещё слышался оркестр – играли «Торрадо де Мадридо» Искристый вихрь пролетел над внутренним двориком виллы, закрутился вокруг громадной, на этот раз живой, растущей прямо во дворе ели; закачались на ней шары, звёзды и гирлянды. Взревел за домом мотор грузовика, и почти тотчас же густо, утробно замычал бык.

– Ага, привезли всё-таки! – засуетился шансонье. На недоуменный взгляд американца он ответил своим, озорным. – Год Быка, сами понимаете! Я заказал рыжего, а какого нашли, сейчас гляну, когда вас устрою. Идёмте, нужно только спуститься в гараж...

– Мне много раз доводилось встречать новый год по лунному календарю, – заметил Миррен. – До него ещё далеко. Зачем торопиться?

– А почему не позабавиться? – хохотнул Печерский. – Представляете, сколько визгу будет? Открывается дверь, а там – настоящий бык! Мои друзья и подружки, небось, при слове «бык» представляют бандита или секьюрити, которые ждут хозяев в гостевых домиках. Там установлены мониторы, в зале – камеры, так, что им всё видно. А я не хочу, чтобы эти ребята торчали за столами. С ними не расслабишься как следует.

– И, самое главное, вашим гостям ничто не угрожает, – спокойно заметил Миррен, спускаясь следом за Печерским по металлической узкой лестнице. – Войны девяностых годов

---

⁵ Фуа-гра – Блюдо из гусиной печени с солью, перцем, коньяком и портвейном, запекаемое в форме и подаваемое охлажденным.

⁶ Жемчужная ванна – Другое название «кислородная». Во время процедуры через воду пропускаются пузырьки воздуха.

завершены. В стране мир и покой. Народ доволен и счастлив. Всё под контролем. К чему этот маскарад?

– Не знаю.

Печерскому вдруг стало отчего-то страшно. В животе похолодело, будто он проглотил кусок льда. Миррен шёл сзади него, но шансонье казалось, что он сейчас смотрит прямо в эти узкие колкие зрачки, в зелёные, как зацветшая вода в пруду, глаза.

Вспомнились все их встречи, беседы, вечеринки и прогулки, и Миррен тогда бывал разным – усталым и бодрым, оживлённым и грустным. Только взгляд американца всегда был одним, и Михаилу Печерскому очень не нравилось это выражение. Это не был спесивый или снисходительный, знакомый многим на земле взор представителя единственной в мире сверхдержавы, адресованный всему остальному человечеству. И, в первую очередь – побеждённого в «холодной войне» противнику. Нет, презрение, даже гадливость, сквозившее во взгляде Райдера Миррена было личным, искренним, выстраданным. Оно не относилось конкретно к Печерскому или кому-либо другому – оно принадлежало здесь сразу всем.

В ресторанах, и на пляжах Доминиканы он смотрел на людей иначе – скорее равнодушно, иногда даже с интересом. Он умел замечательно слушать, увлекательно рассказывать, и Печерскому хотелось встречаться с мистером Мирреном вновь и вновь. Только мешал вот этот взгляд, и сейчас, в гараже, Печерский решил не показывать гостю недавно приобретенный черный «Кадиллак CTS», потому что ему казалось – Миррен опять так смотрит. Янки объездил весь мир, его не удивить ничем и никем. Но это взгляд не пресыщенного роскошью бонвивана – это взгляд господина, которому слишком досаждают его слуги. Даже не слуги – рабы...

«Откуда у него это? Чем я ему не угодил? Да нет, тут не во мне дело. Когда мы ехали по Москве из аэропорта год назад, он тоже так смотрел – не на меня, в окно. На толпу, на дома, на транспорт, вообще на город. Тогда мне даже показалось, что мистера Миррена сейчас стошнит. Может, он болен? У него не в порядке кишечник или желудок? А вдруг что-то с головой? Да нет, он действительно здоров, как тот бык, которого сейчас притащат в зал. Ему очень не нравится здесь, но почему-то он время от времени навещает Москву и в Питер. Один раз даже проехал на поезде через всю страну. Говорит, что это нужно для той книги, что он пишет сейчас. О чём эта книга, интересно? Ладно, на этот раз я всё же удивлю тебя, Райдер. И как ты посмотришь на того человека, который ждет нас в библиотеке? Я только гляну в твои кислые глаза и уйду, оставив вас вдвоём. А потом спрошу твоего визави, Миррен, о чём вы говорили. Правда, не факт, что тот мне что-то расскажет...»

* * *

Из подземного гаража, где поблёскивали лакированными кузовами дорогие престижные автомобили, хозяин и гость вышли в коридор. Там были окна, но наглухо забранные алюминиевыми рольставнями. Мужчины молча, прошли под светодиодными лампами. У раздвижной двери их встретили два то ли лысых, то ли наголо бритых охранника в чёрных костюмах и тёмных очках. Амбалы стояли по обе стороны коридора, сложив руки на животах.

Миновав безмолвных стражей, Печерский и Миррен оказались в небольшом холле с дверью-гармошкой, которая тут же собралась в складки. На круглом кованом столике стоял цветочный горшок с крохотной живой ёлочкой, убранной микроскопическими игрушками. Около столика помещался торшер с абажуром в виде букета лилий, и в каждой цветке горела лампочка. Миррен никогда ещё не бывал здесь, но по сторонам не смотрел, нетерпения не демонстрировал. И когда Печерский обернулся, чтобы пригласить его пройти в библиотеку, то вздрогнул, встретившись с тем же отвратительным взглядом. По-видимому, иначе этот человек смотреть не мог, и тайна была скрыта в его длинной бурной жизни.

– Проходите, Райдер, я сейчас приведу его. Присаживайтесь.

Шансонье проводил американца в библиотеку, указал на кожаный диван, заваленный кожаными же подушками. Тут тоже стоял дубовый журнальный столик, и Райдер Миррен, плюхнувшись на диван, немедленно закинул на него ноги. Это ничуть не удивило Печерского; по крайней мере, он никак своего недоумения не выразил.

Ореховые двери с арочными витражами, выполненными в виде покрытых изморозью стекол, вели собственно в кабинет Печерского. Он прошёл мимо широченного стола, заставленного изысканными безделушками, украшенного малахитовым письменным прибором и лампой, больше похожей на сковороду с переломанной посередине ручкой. Несколько секунд постоял у окна, тронул кончиками пальцев вишнёвые шёлковые гардины, взял от хрустальной пепельницы утку, почти дамскую трубку, поискал кисет с табаком.

Потом махнул рукой, вернул всё на место, зачем-то переставил с подоконника на стол забавную фигурку одноногого пирата с костылём под мышкой и исчез за другой дверью, тоже сделанной в виде арки, но только поменьше. Мобильный телефон заиграл «Хабанеру» из оперы «Кармен», но Печерский, глянув на определитель, отключил трубку и вошёл в уютную комнату, освещенную только отблесками пляшущего в камине огня.

На маленьком диванчике, заваленном бархатными и атласными подушками, сидел парень лет двадцати – миниатюрный, смуглый и черноволосый. Судя по всему, он даже не услышал, когда вошёл Михаил, потому что так и продолжал смотреть на пляску пламени, на роящиеся в раскалённом зеве искры, то и дело поправляя замотанный вокруг горла длинный шарф цвета топлёного молока. Хрупкий юноша выглядел совершенно не празднично – чёрные джинсы и джемпер, короткие валенки на ногах, и, самое главное, мокрые от слез длинные ресницы над блестящими, как маслины, глазами. Оливково-смуглое лицо парня казалось измождённым и болезненным – похоже, у него был жар.

Услышав лёгкий скрип двери, парень сильно вздрогнул. Через секунду он вскочил и попятился к окну, закрытому рулонными шторами. Он снял очки, сунул их в футляр, беспомощно хлопнул веками.

– Санкар, это я, не бойся. Как дела?

Печерский, тяжело ступая, подошёл к парню и уселся рядом с ним на диван. На ночь маленький диванчик превращался в просторное, круглое спальное место.

– Благодарю вас. – Парень говорил с акцентом, но без труда, не задумываясь над каждым словом. – Из полиции нет новостей?

– Из милиции, – машинально поправил Печерский. – Нет, пока не удалось дозвониться до моего приятеля. Но я обязательно сделаю это Санкар, как только представится возможность. Знай только одно – тебя здесь никто не найдёт и не тронет. Я верю, что лично ты ни в чём не виноват, потому и спрятал тебя на время. Температуру измерял?

Михаил заботливо дотронулся до горячего влажного лба парня. Тот опять подпрыгнул, словно к его коже прикоснулись раскалённым железом.

– Да седи ты, седи спокойно. Молоко с мёдом пил?

Печерский ещё раздумывал, стоит ли сводить сегодня двух своих гостей; потом тряхнул густыми цыганскими кудрями, прекрасно понимая, что другого случая может и не представиться.

– Вижу, что температуру не измерял. Держи.

Печерский подал Санкару безртутный термометр, и юноша обречённо засунул его под мышку. Через минуту послышался сигнал, означающий, что температура измерена. Михаил глянул на термометр и покачал головой.

– Ничего, тридцать семь и пять. Я думал, будет больше. Есть хочешь?

– Мне достаточно молока, сэр, – забывшись от волнения, сказал Санкар.

Печерский удивлённо уставился на него. Потом вспомнил о Райдере Миррене, который остался в холле, и заторопился.

– Если есть не хочешь, неволить не буду. К гостям тебе выходить нельзя – я имею в виду общий зал. А вот с одним из них ты вполне можешь встретиться. Он уже ждёт, очень хочет увидеться...

Санкар подался назад, и пламя камина заблестело в его зрачках. Маленькой, почти женской рукой, он перебирал складки шарфа, и на тонком пальце блеснул золотой перстень с изображением то ли солнца, то ли колеса. Из-под левого рукава Санкара показался белый край повязки, и Михаил снова забеспокоился.

– Как твоя царапина? Не болит?

– Нет, нисколько. Но вы, же обещали никому меня не показывать. Не только у меня, но и у вас могут быть неприятности...

– Санкар, тебе двадцать, а мне шестьдесят. Я втрое дольше тебя живу на свете и понимаю, что можно делать, а что – нельзя. Ты можешь быть спокоен – этот человек никакого отношения к милиции не имеет. Он американец, журналист и писатель. Зовут его Райдер Миррен. Тебе знакомо это имя?

Печерский внимательно следил за реакцией Санкара, но тот только удивлённо взглянул на него, наморщил лоб.

– Что-то слышал... Но здесь, в Москве, я почти не читал американскую прессу. Наверное, видел имя в Интернете... Но почему он хочет встретиться со мной? Наверное, вышла какая-то ошибка. Мы не знакомы – это точно.

– Вот он и хочет познакомиться! – хлопнул Санкара по плечу Печерский. – Я бы на твоём месте не упрямился. Во всяком случае, вреда точно не будет. Он – очень влиятельный человек в Америке, входящий в круг тамошней элиты. Лично знаком даже с некоторыми из президентов. Как ты знаешь, в Штатах их не называют бывшими. А ты ведь тоже представитель очень знатного и известного в мире семейства. Вероятно, вам будет, о чём поговорить. Кроме того, ты безбоязненно можешь рассказать мистеру Миррену о том, что с тобой позавчера произошло. Чем больше огласки получит эта история, тем труднее будет её замять, выставить тебя виноватым, завести уголовное дело. Ты говоришь, что не хочешь пока обращаться в индийское посольство за помощью, чтобы твоя семья не узнала о драке...

– Я не готов, пока, не готов! Это будет для родителей вторым ударом, а им достаточно одного. Мой старший брат Лал погиб в ноябре в Мумбае. По несчастью, он оказался постольцем отеля «Оберой», когда исламские боевики атаковали город и захватили заложников. «Декканские моджахеды» требовали выпустить из индийских тюрем всех мусульман. В городе начались взрывы, потом боевики с автоматами ворвались на вокзал, в центральный госпиталь, в рестораны, в элитные отели. Мой брат и его российская жена снимались в Болливуде.⁷ Она ждала ребёнка. Когда узнала, что Лал погиб, преждевременно родила девочку. Ребёнок всё же очень слаб, моя мать молится день и ночь. А тут ещё эта кошмарная история со мной, которую до сих пор было даже трудно вообразить. Меня могут обвинить в убийстве. Это позор для семьи, Михаил, это кинжал, вонзённый мною в сердце матери! Отец сейчас в деловой поездке, в Японии, и когда весть дойдёт до него... Они так надеялись, что я здесь получу образование! Покойная бабушка хотела, чтобы её внуки и правнуки учились только в Москве. Михаил, мне стыдно говорить о случившемся с незнакомым человеком, который меня совсем не знает, а потому может не поверить!

– Он говорит, что знал твою бабушку, Кальпану-джи, – поспешно сказал Печерский. – И, судя по всему, мистер Миррен очень её уважает. Мы встретились совершенно случайно на курорте в Доминикане. Я упомянул имя покойной Кальпаны Рани, рассказал, что моя карьера пошла в гору после индийских гастролей, организованных именно ею. Так, представь, Мир-

---

⁷ Болливуд – Индийская киностудия /по аналогии с Голливудом/. Размещается в г. Мумбае /бывш. Бомбей/ – отсюда первая буква в названии.

рен прямо весь вспыхнул радостью! Он не откровенничал со мной, но много расспрашивал о вашей семье, интересовался, кем стали внуки Кальпаны Рани. Про всех я не знаю, но о тебе я ему рассказал. И так получилось, видимо, это перст судьбы, что ты оказался у меня в доме в связи с известными обстоятельствами. А Миррен как раз прилетел в Москву и позвонил мне. Я пригласил его к себе на пирушку, но через некоторое время потихоньку увёл и оставил в холле. Две головы хорошо, а три – лучше, – Печерский с трудом поднялся, потёр поясницу. – Возраст, ничего не попишешь! Завидую тебе, молодому! Идём, Санкар, не пожалеешь!

– Насколько я знаю, моя бабушка ненавидела и англичан, и американцев, – Санкар тоже встал и сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. – Я не знаю ни одного её друга среди них. Мать говорила, что её погубили сикхские боевики,⁸ опекаемые агентами ЦРУ. Но я пойду и встречу с ним потому, чтобы не ставить вас в неловкое положение. Даже если этот человек – один из тех, кто убил её, я всё равно посмотрю ему в глаза. Не бойтесь, Михаил, я умею владеть собой. Я не скажу и не сделаю ему ничего дурного. Только пусть потом он уйдёт и не ищет меня...

– Может быть, ты не всё знаешь, Санкар, – смутился Печерский. – Не торопись, посиди с ним, узнай, чего он от тебя хочет. Как говорят в России, я около него со свечкой не стоял, а потому ничего не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Потом обсудим это дело, а сейчас идём. Человек и так слишком долго ждёт.

– Идёмте.

Санкар поправил волосы, шарф, рукава джемпера, и вслед за Печерским вышел из комнаты, где было жарко натоплено и темно. В коридоре яркий свет новогодней гирлянды, лампочки которой быстро перемигивались под потолком, заставил его зажмуриться. Печерский взял своего молодого гостя за руку.

– Спокойно, только спокойно, Санкар! Ты сам решишь, что говорить ему, а что нет. В библиотеку вам подадут кофе. Потом, после завершения банкета, я устраиваю грандиозное русское чаепитие! Разумеется, гости не должны видеть тебя, но официант накормит всех пирогами и вареньем, напоит чаем из настоящего самовара. Ты видел когда-нибудь самовар?

– Нет, никогда не видел. Спасибо, Михаил, что вы так заботитесь обо мне. Право, я не заслужил этого.

– Перестань комплексовать, Санкар! – ободряюще улыбнулся шансонье. – Если хочешь знать, то я целиком на твоей стороне в случившемся конфликте! Ты повёл себя так, как только и должен вести себя настоящий мужчина. Думаю, мистер Миррен будет того же мнения. Итак!..

Хозяин виллы дёрнул за шнурок, открывая дверь-гармошку, подтолкнул пария вперёд. Миррен уже слез с дивана и теперь стоял около стеклянного шкафа, заставленного раскрашенными, слепленными из теста игрушками.

Шансонье успел заметить, что американский гость тем же кислым взглядом глянул на свои платиновые швейцарские «ходики», так называемые «часы вечности», которых на всей Земле было меньше ста штук. Уникальный прибор можно было использовать и в океанских глубинах, и на горных вершинах, и в джунглях Амазонки, и в пустыне Сахара. Именно такие

---

⁸ Сикхские экстремисты – Радикальное крыло сикхской общины Индии, которое вело в 1980-х годах вооруженную борьбу с центральным правительством Индии за отделение от страны северо-западного штата Пенджаб и образование на его месте государства Ххалистан /Халистан/. Сикхизм /первоначально секта в индуизме/ возник в XVI веке. Он отразил протест мелких торговцев и ремесленников против кастового строя и феодального гнета. Основатель религии гуру Нанак признавал единого Бога, а весь окружающий мир считал проявлением высшей силы творца. Нанак выступал против фанатизма и нетерпимости мусульманских правителей, а также сложного ритуала и кастовой дискриминации в индуизме. Пятый гуру /всего у сикхов их 10/ Арджун составил «Грантх» /святую книгу сикхов/, в которую включил гимны индуистских и мусульманских святых, а также сочинения сикхских гуру, главным образом Нанака. Говинд Сингх, 10-ый гуру, превратил сикхов в военное братство, назвав его Кхалса /чистое/. Термин «сикх» берет свое начало в санскритском термине «шишия» – последователь, послушник. К своему имени сикхи добавляют слово «Сингх» – лев. Сикхизм привлек к себе крестьян признанием всех людей равными перед Богом. Сикхи совершают религиозные отправления в своих священных храмах – гурудварах, которые расположены повсюду в северных районах страны. Наивысшей святыней для сикхов является Золотой храм в городе Амритсаре.

часы и требовались Райдеру Миррену, побывавшему, без преувеличения, во всех уголках земного шара.

– Прошу! – Михаил Печерский опять сверкнул ровным рядом вставных зубов. – Санкар Никкам, студент третьего курса геологического факультета Московского университета, родной внук Кальпаны-Рани Тханви- Бхандари, младший сын её любимой дочери Амриты!

Пустые зелёные глаза американца вдруг стали чистыми и прозрачными, как хрусталь. Печерский ещё мгновение назад не мог бы даже вообразить, что Райдер Миррен может так смотреть на кого-то – тепло и нежно, восторженно и радостно. Санкар ничего этого не заметил – он только наклонил голову, демонстрируя ровную нитку пробора в смоляных волосах.

– Мой друг, писатель и журналист из Бостона Райдер Миррен! – произнёс Михаил Печерский, глядя теперь на Санкара.

Молодой человек сдержанно пожал протянутую руку Миррена и вопросительно взглянул сначала на хозяина, а потом – на его гостя, который так и смотрел влажными, прозрачными глазами. Но лицо его оставалось таким же замкнутым, даже грубым, как раньше.

* * *

– Райдер, вы хотели кофе «Калипсо» с корицей? Прошу! – Печерский взял с подноса официанта чашечку. – А тебе, Санкар, больше по нраву с шоколадом и сливками? Изволь! – Печерский передал чашку юноше. – Себе я ничего не взял, у меня ещё много дел в доме. Например, нужно решить, как поступить с быком, – отправить его к поварам или вернуть на ферму...

– Надеюсь, наш индийский друг простит эти кровожадные разговоры? – осведомился Миррен, сделав маленький глоток «Калипсо». – Майкл, вы, наверное, в прошлом году пугали собравшихся дам громадными крысами?

– Разумеется! Одной особо впечатлительной пришлось оказывать медицинскую помощь. Потом этими тварями позабавились таксы и кошки моих соседей. Между прочим, собаки ловят даже лучше.

– А ещё годом раньше вы зажарили поросёнка, надеюсь? – Миррен встал и, не выпуская чашечку из рук, снова подошёл к застеклённому шкафу. – Из чего сделаны эти фигурки, Майкл? Великолпно! Тоже русские ремёсла?

– Марина – художница по образованию. Помешалась на лепке из солёного теста. Одна из её подруг – настоящая фанатка этого дела. Прекрасный способ убить время, когда скучно и нечего делать. Меня на части рвут, – пожаловался Печерский. – Не помню, когда выспался в последний раз. А Марина лепит композиции, причём тщательно, по граммам отмеряет для теста воду, муку и соль. Да ещё их высушить надо естественным образом. В духовке нельзя – деформируются. Красить их нужно гуашью, а не акварелью. Дальше – лак, и снова сохнуть...

Печерский умолк, потому что во дворе оглушительно захлопали петарды. Санкар чуть не пролил кофе, снова вздрогнув от неожиданности. Из-под ресниц он наблюдал за американцем, когда тот рассматривал фигурки, но пока не мог понять, зачем тот настаивал на встрече. Когда они познакомились с бабушкой, при каких обстоятельствах? Кальпана Бхандари много ездила по миру, неоднократно бывала в Штатах – и в составе государственных делегаций, и как частное лицо.

Санкар не знал свою бабушку. Он родился через три с половиной года после её гибели, потому не мог твёрдо решить для себя, могла ли она поддерживать достаточно тесные отношения с американцем. Может быть, он действительно писатель, занимается Индией, и, вполне вероятно... Впрочем, делать выводы пока рано. Нужно хоть немного поговорить с ним. Скорее всего, Миррен ждёт, когда уйдёт Печерский, и потому болтает о пустяках.

– Вот это фейерверк! – восхитился Миррен, когда грохот прекратился. – Я думал, что дом обрушится. Конечно, на Востоке шумят ещё сильнее, когда по обычаю отпугивают злых духов, но это тоже впечатляет!

– Стараемся! – довольно улыбнулся шансонье. – И организация таких праздников стоит немалых трудов. Кстати, о поросёнке. Два года назад мне привезли целую свинью, да ещё супоросую, то есть беременную! Так она, паршивка, загадила мне весь паркет, да ещё в эту же ночь родила двенадцать поросят! Конечно, гости здорово позабавились, глядя на всё это. Предрекали мне год богатый и счастливый, раз так вышло. Не могу пожаловаться – в седьмом году я заработал неплохо. А вы как его встречали, Миррен? Насчёт Санкара знаю – он прилежно готовился к сессии. Представляете, живёт в ДАСе,⁹ на Шверника, в общежитии. А ведь мог бы целый коттедж тут снимать, не то, что квартиру!

– В этом нет ничего удивительного, – возразил Санкар. – Студенты не должны кичиться богатством родителей. Это еще не их средства. До недавнего времени, – по лицу Санкара скользнула тень, – мы отлично ладили. Нас в комнате было трое. Моих предков носили по улицам в паланкине,¹⁰ не давали даже ступить на землю. До сих пор для членов нашей семьи считается зазорным ходить в магазины и на базары. Торговцы приносят товар прямо на дом. Я считал это неправильным, и решил жить иначе.

– Жаль, что твой опыт оказался не совсем удачным, – вздохнул Печерский. – Да, Райдер, вы не ответили, как встречали позапрошлый Новый год. Небось, отрывались на каком-нибудь экзотическом побережье?

– Нет, я бродил в Интернете, – помедлив, ответил Миррен. – Там было много интересного для меня. Такой материал не часто найдёшь.

– Во даёт! – удивлённо восхитился Печерский. – Вот это одержимость! Работать в такую ночь! Смотри, Санкар, и ты таким будешь! Иностранцы не умеют расслабляться, и это вредит их здоровью.

– Нет ничего полезнее любимого дела, Майкл. Конечно, каждый волен выбирать занятие по душе. Но не стоит расслабляться настолько, чтобы в одно не очень прекрасное утро проснуться на руинах своей страны.

Миррен поставил пустую чашечку на стол. Они с Санкаром в упор смотрели друг на друга. Печерский улыбнулся до ушей.

– Ну, старина, вашей державе это не грозит!

– Вы ошибаетесь, Майкл, – медленно, взвешивая каждое слово, отвечал Миррен. – Кому много дано, с того много требуется. Четвёртого ноября моя родина совершила акт покаяния за прежние ошибки не на словах, а на деле. Очень многим моим соотечественникам пришлось сделать над собой чудовищное, нечеловеческое усилие. Я и сам поверил в подобное только тогда, когда оно свершилось. Избрать президентом цветного с арабским именем! Можно ли представить подобное в России?

– Вот уж точно нет, – поморщился Печерский. – Исключено.

– Операции часто бывают болезненными, зато спасают весь организм. Одни идут на риск и страдания, а другие предпочитают заливать проблемы спиртным и парить в иллюзиях. Вы, Майкл, наверное, заметили, что я не пью. Здоровье позволяет, но я сам не хочу. Мне столько пришлось в жизни выпить просто из вежливости, что я навеки обрёл отвращение к стакану... В Германии меня угощали яблочным шнапсом, в Японии – сакэ и сливовыми винами, в Болгарии – «Кадаркой», в Югославии – ракией. И отказаться нельзя – хозяева обидятся. Мне пришлось

---

⁹ ДАС – Дом аспирантов и стажеров МГУ – общежитие.

¹⁰ Паланкин – На Востоке: средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками.

поневоле употребить столько разнообразного пойла, что сам я всегда предпочту обойтись без алкоголя. Да, кстати, Майкл, что случилось с той свиньей?

– Вместе с поросятами вернули хозяйке. Неохота было всю эту ораву откармливать. А зарезать, сами понимаете, тоже нельзя...

– Пощадите же и быка! – торжественно попросил Миррен. – Не надо проливать кровь в такой день. – Он бросил быстрый взгляд на хмурого Санкара, который, тоже допив кофе, терпеливо ждал главного, ради чего его привели сюда. – И не смеем вас дальше задерживать.

– Да у нас и зарезать-то его некому, – проворчал Печерский. – Так и так после праздника отвёз бы на ферму. Ну, всё, оставляю вас на часик-другой, а после наведаюсь. Не забывайте про чаепитие – это будет сказка. Не просто заварка с лимоном, а горы всякой вкуснятины. Вряд ли вам когда-нибудь придётся увидеть подобное!

И Печерский вышел в коридор, плотно прикрыв дверь. Гости, судя по всему, уже высыпали на улицу немного освежиться. И, как всегда, принялись водить хоровод, вразной горланя вечную новогоднюю песенку: «В лесу родилась ёлочка». Но Михаил не пошёл в зал, а направился в противоположный конец коридора, в кухню-столовую, где тихими вечерами они с Мариной и Настей обедали или ужинали.

Белый с позолотой классический гарнитур, с плитой, расположенной как бы в камине, под вытяжкой, сначала не очень нравился хозяину. Но после он привык и даже полюбил изящное, строгое творение итальянских мастеров. Здесь тоже присутствовали еловые лапы – в виде живых гирлянд, от которых в кухне терпко пахло хвоей. Михаил включил свет и сел за овальный стол, выдвинутый в центр кухни, похлопал себя по карманам и пожалел, что не захватил из кабинета трубку.

По счастью, в кармане брюк нашлись зажигалка и пачка «Парламента». Печерский торопливо закурил и, жадно втягивая дым, уронил крупную лобастую голову на холодные, противно дрожащие руки. Ему хотелось побыть одному и обдумать всё происшедшее сегодня, вспомнить каждое слово Райдера Миррена. То, что говорил ему юный Санкар Никкам, беспокойства не вызывало.

Да, стоит попробовать всё же переговорить с приятелем, жена которого работала в пресс-центре Петровки. Узнать, что слышно в Управлении по поводу драки на улице Шверника, результатом которой стала гибель одного человека. Ещё двое получили ранения. Конечно же, он даже не намекнёт на то, что главный подозреваемый в совершении убийства сейчас находится в его вилле и пьёт кофе в компании американского писателя. Придумает что-нибудь нейтральное. Например, Марине с Настей нужно ехать в гости – именно в тот район. И, раз о драке сообщали по радио и телевидению, хочется узнать, так ли это серьёзно.

Повезло, что никто, совершенно никто не знает об их знакомстве с юношей-индийцем. А, значит, не станет проверять городскую квартиру и виллу, даже не заподозрит знаменитого шансонье ни в чём криминальном! Вот уж чего меньше всего ожидал он, так это такого подарочка на Новый год. Это получилось почище родившей свиньи, но что теперь делать? Не всё от нас зависит в этом мире, и надо решать проблемы по мере их появления. Вечером первого января очень трудно застать дома того приятеля, и притом надо, чтобы он хоть немного соображал, ворочал языком. Может ведь даже и не взять в толк, что он него требуется. Он и сам бывший мент, теперь – частный охранник. Связи на Петровке у него сохранились. При желании приятель может помочь Печерскому.

Только вот телефон его отключён до сих пор. Неизвестно, в Москве сейчас Федя Гальцов, или махнул с супругой куда-нибудь на Маврикий. Когда же они в последний раз встречались? Кажется в декабре, на Федином юбилее, когда ему стукнуло пятьдесят пять. Такой роскошный шашлык зажарили – рубленый, с курдючным салом. А потом ещё два – картофельный и с черносливом. И всё это – под Царскую Золотую водку... Эх, Федя, кабы знать, где упасть, и тогда же договориться! Кто бы шепнул мне, что через месяц ты мне потребуешься!

Михаил чувствовал, как горят его щёки – наверное, Марина или про себя, или даже вслух, ругает его последними словами. Еще подумает, уединился в дальней комнате с секретаршей, третьей по счёту. Эта – шатенка. Первая, брюнетка Таня, разбилась год назад на машине. Блондинка Изольда не рассчитала дозу в шприце, когда расслаблялась после работы. Теперь вот Ирина, с виду похожая на строгую училку. В постели, несмотря на старание и немалый опыт, неприятная. Зря Маринка ревнует, мне Ирина ни к чёрту сейчас не нужна. И без неё голова кругом. Да тут ещё завтра концерт, а через три дня – другой. И с арендой зала не до конца не решили. Повышают, козлы, сумму отката чуть ли не каждый день...

Да и Миррен сегодня какой-то чудной, не похож на себя прежнего. Если разобраться, действительно странная история, и зря втравил в неё Санкара. Парню и без того несладко, могут арестовать, если нос в город высунет. Он же индеец, с толпой не смешаться, и идти ему по сути некуда. Может, Миррен поможет? Американцы чтут законы, но ведь Санкар-то мухи не обидит. Если бы можно было по-приличному пойти, заявить о случившемся, потребовать присутствия адвоката... Никаких проблем не возникло бы. Надо всё-таки обращаться в посольство, что бы там Санкар ни говорил. Всё равно его родители узнают об этой идиотской драке. Поезд ушёл, уже ничего не скрыть.

Их же целая компания была, когда налетели бритоголовые, а толку никакого. Санкара с ними оставили одного, считай, на верную погибель. А когда он применил опасный восточный приём из шаолиньского монастыря, и один из «нациков» умер, дорогие дружки из ДАСа сразу же дали против Санкара показания. Мол, не мы били, это вот он. Знает такие способы, что без ножа человека завалить можно. Ещё неизвестно, от чего Санкару хуже сейчас – из-за невольного убийства или потому, что компания у него оказалась сучья...

Печерский слушал пьяные вопли гостей во дворе, хлопанье петард, натужное мычание быка, которого, наверное, вытащили во двор. Потом раздался истошный крик – орал мужик, и Печерский никак не мог понять, кто именно. Заахали дамы, после подключились другие мужчины, и через минуту яростный, нечеловеческий вопль снова ворвался со двора в столовую.

Не хватало ещё, чтобы Миррен услышал. Хорошо, что удалось увести его из зала до того, как начались пьяные припадки и драки. Так ведь и в библиотеку проникают отзвуки дворовой оргии. И густая, несмотря на присутствие рядом женщин, матерщина, и храп тех, кого сморил сон прямо в сугробах, под окнами виллы...

«Миррен и без того сегодня не в духе, и это чувствуется», – думал Печерский, прикуривая одну сигарету от другой. Внезапно ему захотелось пить, и он, с трудом добравшись до крана, пустил воду, поставил стакан. Одного показалось мало, осушил до дна и другой. Правильный мальчик Санкар, идеалист, какими бывают отпрыски богатых и знатных родов, выросшие вдали от гущи народной. Кто-то вроде дворян-декабристов, желавших облагодетельствовать человечество. Не нужно бы ему видеть этот мутный угар, этот паршивый блевотник, да и беседа с Мирреном ему ни к чему. Доносить Райдер не станет, даже если Санкар расскажет ему всё. Не Райдера это дело – вписываться в российские криминальные разборки, кто бы ни оказался их участниками.

Но откуда сегодня эти вот разговоры о политике? Раньше Райдер, наоборот, их избегал. Говорил, что интересуется вечным, а не сиюминутным, Михаил даже не знал, за демократов он или за республиканцев будет голосовать на президентских выборах. Наверное, всё-таки предпочёл Обаму,¹¹ хоть и преодолев немалое внутреннее сопротивление. С какой-то страстью, с болью он сказал сегодня о необходимости ломать собственные привычки и пристрастия. Лекарство нужно пить, даже если оно невкусное, – это верно. Но почему Райдер поднял тему выборов в присутствии Санкара, да ещё так остро? «Одни идут на риск и страдания, а другие пред-

---

¹¹ Обама – Барак Хусейн Обама, 44-й президент США, демократ, был избран 4 ноября 2008 года. Сын ирландки и кенийца.

почитают заливать проблемы спиртным и парить в иллюзиях...» Не об Индии же сказаны эти слова, но для Санкара, Миррен ведь ни звука зря не произносит.

Он, несмотря на Новый год, абсолютно трезв и собран. Странный тип, если разобраться, вроде бы действительно есть у него двойное дно. Но ведь не покажет он доньшко-то, как ни старайся увидеть. Существуют же настоящие писатели, помешанные на Востоке, и на Индии в частности. Но ведь Миррен хотел встретиться именно с потомками Кальпаны Бхандари.

Если он действительно из разведки, как предположил Санкар, то зачем ему этот парень? Никакими секретами он не обладает, учится в Москве на геолога, ездит вместе со всеми на практику. Тянет лямку без всяких ссылок на хрупкое телосложение и знатное происхождение. Кажется, отец Кальпаны, то есть его прадед, был раджой. А другие родственники – брахманами, представителями самой высшей касты. У нас бы такой не вылезал из ночных клубов и разных там куршевелей, а не гнус кормил в тайге...

Михаил Печерский то ли проснулся, то ли очнулся. Его мобильник давно наигрывал «Хабанеру», и на табло высвечивался номер личной трубки Марины. Какое чёрта она, находясь в том же доме, звонит из комнаты в комнату? Могла бы и прийти... Ах, да, думает, что дражайший супруг сидит верхом на секретарше. Вернее, она на нём, а то ещё треснут под десятую пудами живого веса шансонье её нежные косточки.

– Слушаю!

Печерский даже испугался, услышав свой сиплый сорванный голос. Если он завтра не сможет петь, и придётся отменять концерт, неустойка получится огромная. Да и для репутации невосполнимый урон, потом несколько лет не отмоешься. Чего там нужно принять, совсем забыл! Два сырых яйца и две столовые ложки растительного масла? Нет, это, вроде, другой рецепт – чтобы суметь много выпить без последствий. Там ещё две варёные картофелины нужно съесть; он так и делал, пряча клубни по карманам. А после вдевал столько, что впору было умереть, и действительно не пьянел.

Он давно полюбил брэнчать на гитаре и петь романсы, будучи «под мухой». Однажды, в Греции, именно в таком виде его и подобрала госпожа Бхандари. Мишку Печерского тогда, помнится, избил и ограбил албанцы – не оставили денег даже на обратную дорогу. Кальпана помогла ему вернуться в Москву, да ещё и пригласила к себе в гости, в Дели, пообещав представить тамошней публике. Знатная индианка спустилась с неба, как сказочная фея, решив на много лет вперёд сразу все проблемы Миши Печерского. В противном случае ему пришлось бы являться к родным дипломатам с фингалом под глазом, в рваных джинсах, с треснувшей гитарой, да ещё крепко пропахшим перегаром.

Он ведь пел албанцам, пил с ними. А они, козлы, подсыпали в красное вино какую-то дрянь, чтобы Миша вырубился, а после обчистили его и бросили на пляже. В те годы за такое поведение тридцатичетырёхлетнему выпускнику теоретико-композиторского факультета Московской консерватории, да к тому же ещё временно неработающему, пришлось бы понести суровое наказание. А Кальпана Бхандари иначе смотрела на вещи. Да, интеллигентный молодой мужчина спит на улице. У него нет дома, к сожалению. И в Индии до сих пор так бывает...

– Ты куда пропал, ненормальный! – закричала Марина, возвращая мужа к реальности. – Я что, одна с твоими долбанными уродами управляться должна? Сейчас «скорая» коммерческая приедет...

– А что стряслось-то? – вклинился Печерский. – Бык кого-то забодал, что ли? Кто там орёт?

– Бык! – зло хохотнула Марина. – Да бык лучше всех себя ведёт, чтоб ты знал! Орёт твой однокашник Пауесов. У него белая горячка началась прямо в зале. Ему, оказывается, ни капли, пить нельзя было, а он ни тебе, ни мне ничего не сказал! Сразу говорю, что на порог этого придурка больше не пущу вообще никогда! Выбил башкой окно, прыгнул со второго этажа. Теперь весь в крови валяется во дворе и орёт. Когда ты своего Миррена увёл, тут вообще бед-

лам какой-то начался. «Тёлка» танец живота решила продолжить на столе, опрокинула бокалы, скатерть загорелась, её юбка – тоже. Так что для «скорой» и тут работёнка найдётся. Сашка Красильников, он же врач, говорит – ожог второй степени. Так что возвращайся, хозяин, без тебя пропадаем. Да, и третья беда до кучи – от всего случившегося шума, левретка куда-то пропала. И у тёти – сердечный приступ...

– Настя где? – испуганно спросил Печерский, чувствуя, что с Мариной тоже не всё в порядке – начинается истерика.

– Вместе с ребятами из охраны левретку ищут по всему дому, и на участке тоже. Не могла же она далеко убежать. Всё, жду тебя, «скорую» вместе встретим, И платить за всё удовольствие нам придётся!

Печерский тяжело вздохнул, сунул «трубу» в просторный карман брюк и торопливо вышел из столовой. Потом хлопнул себя по лбу, вернулся, погасил свет, и забарабанил каблуками по лестнице. Во дворе орали уже несколько человек. Один из них обещал перебить всех к такой-то матери, если к нему кто-нибудь приблизится хотя бы на десять метров, Печерский отодвинул штору, взглянул во двор, и кроме мечущихся теней ничего не увидел. Потом несколько теней сцепились в клубок, покатались по снегу под гирляндами и фонариками. В следующую секунду щёлкнул выстрел. Взревел испуганный бык, и Печерский опрометью бросился во двор, уже плохо понимая, что там вообще творится. Он мечтал лишь о том, чтобы завтра утром все были живы...

* * *

– Ничего особенного, – отвернувшись от окна, сказал Райдер Санкару. – Газовый или травматический пистолет, непременный атрибут здешних вечеринок. Так почему же вы выбрали именно геологический факультет? Когда Майкл об этом сказал, я решил, что ослышался. – Миррен опустил штору и отошёл от окна. – Вы думаете, что это – подходящее занятие для брахмана? Насколько я помню, ваша бабушка была гуманитарием?

– Я хочу способствовать открытию месторождений полезных ископаемых в Индии. В первую очередь, конечно, нефти. Что же касается моего происхождения, сэр, то скажу одно: работа на благо своей страны ни для кого не зазорна. Принадлежность к высшей касте не освобождает от обязательств перед государством и народом, а налагает новые. Так считала Кальпана Рани. И моя мать передала мне, брату и сестре её слова. В существовании каждого человека, и в моём также, имеется некий высший смысл. Человек рождается с определённой миссией, особенно тот человек, которому от рождения даны большие возможности. Я ещё ничего не сделал полезного, но получил немалые средства, которых нет у других. И мне уже ничем не оправдать собственные неудачи – ни бедностью, ни болезнями, ни прочими уважительными причинами. Мне не довелось тратить силы на то, чтобы выжить, а значит, я должен направить их на какое-то сложное дело. Я понятно излагаю свои мысли, сэр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.